

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).550-558

EDN ENHIFL

Принципы права в российской либеральной доктрине конца XIX – начала XX века: позитивистский подход

Алина Александровна Никитчик*Омская академия МВД России, Омск, Россия**mamontova-97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5411-5447>*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены принципы права в интерпретации российских либеральных правоведов конца XIX – начала XX века – Н.К. Ренненкампфа, Г.Ф. Шершеневича, С.В. Пахмана и М.Н. Капустина. В отсутствие специальных исследований, позволяющих изучить принципы права в юридической науке Российской империи, автором раскрыты признаки, выделяемые отечественными учеными при осмыслении руководящих начал правового регулирования; представлена характеристика принципов законности, справедливости, гуманизма, демократизма и формального равенства, предлагаемая юристами дореволюционного периода на этапе постановки проблемы. Отдельное внимание уделяется концепции М.Н. Капустина, согласно которой правовая сфера сосредоточивает сразу два вида принципов: одни несут в себе основной смысл права и являются неотъемлемой частью его сущности (справедливость и формальное равенство), другие – вводятся искусственно в ходе мыслительной деятельности человека в целях оптимизации процессов создания, применения и развития законодательства. Доказывается, что российские правоведы конца XIX – начала XX века настаивали на научной разработке принципов права и их облечении в форму юридических норм, обладающих учредительным характером, прямым действием, устойчивостью и формальной определенностью. Отмечается, что сторонники юридического позитивизма, подчеркнув значение юридической доктрины и прочно закрепив термин «принцип» в научном обороте, оказали существенное влияние на формирование современного категориального аппарата. Подчеркивается актуальность воззрений либеральных правоведов исследуемого периода, проецирующих действие принципов права на преодоление пробелов в законодательстве и оптимизацию правоприменительной деятельности в части реализации дискреционных полномочий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Н.К. Ренненкампф, Г.Ф. Шершеневич, С.В. Пахман, М.Н. Капустин, правопонимание, принципы права, либерализм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Никитчик А.А. Принципы права в российской либеральной доктрине конца XIX – начала XX века: позитивистский подход // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 4. С. 550–558. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).550-558. EDN ENHIFL

Original article

Principles of Law in the Russian Liberal Doctrine of the late 19th – early 20th Century: a Positive Approach

Alina A. Nikitchik*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia**mamontova-97@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5411-5447>*

ABSTRACT

The article examines the principles of law as interpreted by Russian liberal jurists of the late XIX – early XX centuries – N.K. Rennenkampf, G.F. Shershenevich, S.V. Pakhman and M.N. Kapustin. In the absence of special studies that allow to study the principles of law in the legal science of the Russian Empire the author reveals the signs identified by domestic scientists in understanding the guiding principles of legal regulation; the characteristic of the principles of legality, justice, humanism, democracy and formal equality proposed by lawyers of the pre-revolutionary period at the stage of problem formulation is presented. Special attention is

© Никитчик А.А., 2023

paid to the concept of M.N. Kapustin according to which the legal sphere focuses on two types of principles at once: some carry the basic meaning of law and are an integral part of its essence (justice and formal equality), others are introduced artificially in the course of human mental activity in order to optimize the processes of creation, application and development of legislation. It is proved that the Russian jurists of the late XIX – early XX century insist on the scientific development of the principles of law and their investment in the form of legal norms that have a constituent character, direct action, stability and formal certainty. It is noted that the supporters of legal positivism, emphasizing the importance of legal doctrine and firmly fixing the term «principle» in scientific circulation, had a significant impact on the formation of the modern categorical apparatus. The relevance of the views of liberal jurists of the late XIX – early XX century, projecting the effect of the principles of law on overcoming gaps in legislation and optimizing law enforcement activities in terms of the exercise of discretionary powers is emphasized.

KEYWORDS

N.K. Rennekampf, G.F. Shershenevich, S.V. Pakhman, M.N. Kapustin, legal understanding, principles of law, liberalism

FOR CITATION

Nikitchik A.A. Principles of Law in the Russian Liberal Doctrine of the late 19th – early 20th Century: a Positive Approach. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(4):550–558. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).550-558. EDN ENHIFL

Введение

Падение авторитета власти и обострение социально-политических конфликтов, характеризующих российское общество конца XIX – начала XX века, сигнализировали о необходимости пересмотра основ правового регулирования. Приоритет личных прав и верховенство правового закона, провозглашаемые либерализмом, обусловили привлекательность данного идейного течения для значительной части отечественных юристов, выступающих за путь последовательных реформ. Поиск легитимных способов преобразования правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности в государстве приводит сторонников юридического позитивизма к постановке вопроса о разработке особых юридических норм-принципов, закрепляющих модель совершенного правового порядка.

Произошедшая в советский период смена ценностно-целевых ориентиров затенила достижения дореволюционной юриспруденции, установив императивы правового регулирования в соответствии с принципами социализма. Несмотря на то, что сегодня теоретическая наука освобождена от идеологических клише, современные исследователи уделяют мало внимания изучению принципов права в учениях представителей отечественного юридического позитивизма конца XIX – начала XX века. На фоне отсутствия специальных исследований формируется убеждение о том, что проблема принципов права в теоретической и отраслевой юридической литературе дореволюционного периода рассматривалась весьма усеченно либо не поднималась вовсе [1, с. 13; 2, с. 46]. Сложившаяся ситуация искажает представление об интеллектуальном

потенциале отечественной юридической науки и создает теоретический «вакуум», препятствующий формированию целостного представления о понятии принципов права, источнике их происхождения и функциональном назначении.

Результаты исследования

Особую роль в преобразованиях политико-правовой формы России представители отечественного юридического позитивизма конца XIX – начала XX века отводят юридической доктрине, в которой принципы права должны быть разработаны с учетом ряда факторов.

Например, Н.К. Ренненкампф в своих рассуждениях призывает к изучению историко-культурных и экономико-географических особенностей отдельного государства, полагая, что под их воздействием в каждом социуме вырабатываются собственные воззрения на то, какие принципы должны быть положены в основу правового регулирования [3, с. 180]. С.В. Пахман, выявив закономерность в установлении запретов и дозволений различных отраслей законодательства, акцентирует внимание на исследовании логических связей между субъектами общественных отношений, где принципы права выступают аксиоматическими категориями – «правилами логического свойства», определяющими не только деятельность, но и само юридическое мышление [4, с. 41]. Г.Ф. Шершеневич процесс формирования принципов права раскрывает как симбиоз обобщенных юридических правил и общепризнанных нравственных норм, усматривая высокий потенциал во взаимодействии указанных видов социальных регуляторов [5, с. 280; 6, с. 152; 7, с. 326]. Особый подход предлагает Н.М. Капустин, который допускает

вовлечение положений естественно-правовой теории при осмыслении отдельных правовых категорий и создании понятийного аппарата [8, с. 17].

Подобное расширение предмета теоретической юриспруденции существенно отличает отечественную политико-правовую мысль от зарубежных учений, где юридический позитивизм в классическом изложении отвергает наличие иных правил правового общения, кроме тех, что нашли свое отражение в позитивном законодательстве [9, с. 10; 10, с. 400; 11, с. 35–56]. Напротив, дореволюционные юристы не только признавали их существование, но и настаивали на их научной интерпретации в целях создания особой категории юридических норм, отражающих тенденции становления, развития и функционирования права в целом.

Справедливо заметить, что при общем вкладе дореволюционных юристов в разработку проблемы принципов права сторонники юридического позитивизма в большей степени оказали влияние на формирование современного категориального аппарата. Например, в рамках естественно-правового подхода принципы права позиционируются в качестве априорно существующих положений, которые возносятся к рациональной природе человека и постигаются наукой соразмерно уровню развития общества и государства [12, с. 49, 69; 13, с. 517, 523; 14, с. 73; 15, с. 11; 16, с. 100]. Логика рассуждений сторонников социологической юриспруденции позволяет определить принципы как императивы наиболее совершенного правопорядка, разработанные наукой с опорой на общественное правосознание [17, с. 9–10; 18, с. 120–124; 19, с. 314]. В свою очередь, представители отечественного юридического позитивизма принципам права отводят роль руководящих юридических норм, разработанных теоретико-правовой наукой в целях учреждения императивов правового регулирования и закрепления приоритетов наиболее прогрессивной правовой политики в государстве. Более того, нормативисты введение осмысляемой фундаментальной категории в научный оборот сопровождают широким использованием термина «принцип» для ее обозначения.

Кроме того, в трудах мыслителей четко прослеживаются признаки, которыми должны обладать принципы права. Предшествующий этап глубокой теоретической разработки определяет учредительный характер данной разновидности юридических норм, представляя их в качестве императивов, на которых следует базировать положения позитивного законодательства и решения

правоприменительных органов. «Современная практика, — констатирует С.В. Пахман, — далеко уже отстала от слепой веры в авторитеты: она требует твердых руководящих начал, она ищет ответа в принципах, имеющих положительную научную основу» [4, с. 1].

С позиции Г.Ф. Шершеневича, тесная взаимосвязь общеправовых принципов с законами развития юридической науки наделяет их не только учредительным характером, но и признаком прямого действия. «В ряде законов наука может подметить общую мысль, хотя и не высказанную законодателем, но проглядывающую сквозь его повеления, — объясняет автор. — Если эту мысль уловить и выразить в виде общего правила, так называемого юридического принципа, то можно найти исходную точку для разрешения многих вопросов, на которые прямого ответа в законодательстве нет» [6, с. 152]. Аналогичных взглядов придерживается Н.К. Ренненкамф, полагая, что динамика развития общественных отношений требует особой правовой категории, обращение к которой было бы возможно «в случае неполноты, неясности или противоречий в законах» [20, с. 133]. Иными словами, всеобъемлющее регулятивное воздействие принципов права позволяет использовать их в качестве средства для преодоления пробелов в позитивном законодательстве, сохраняя упорядоченность общественных отношений.

Сам признак регулятивности вытекает из представления принципов права в качестве руководящих норм и упоминается большинством авторов без особых акцентов [3, с. 150, 180; 4, с. 40; 21, с. 33]. Однако Г.Ф. Шершеневич, сосредоточивая на нем внимание, отмечает, что уровень правового воздействия принципов предъявляет особые требования к их содержательной части. По его мнению, наибольшее влияние на сознание и поведение человека оказывают нормы морали, поэтому общеправовые принципы должны концентрировать в себе ключевые ценности общества, сближая правовую политику с нравственными идеалами конкретного социума [5, с. 127].

Следующей важной особенностью принципов права является их устойчивость. Наиболее иллюстративно данный признак характеризует С.В. Пахман, отстаивающий за юриспруденцией статус самостоятельной науки. В данном споре главным аргументом скептиков выступает изменчивость позитивного права, наталкивающая на мысль об отсутствии фундаментальных законов, которые отражают взаимосвязь процессов становления и развития научного знания. Правовед счи-

тает недопустимым сведение предмета юридической науки к изучению системы законодательства, поскольку динамику санкционируемых правил поведения определяет совокупность общеправовых принципов, выведенных ученым с помощью исследования закономерностей социального взаимодействия. «Отсюда, сама собою, выясняется несостоятельность мнения, будто юридические принципы, в отличие от законов в научном смысле, суть такие же изменчивые начала, как и положительные нормы, которых они служат выражением» [4, с. 41], — заключает С.В. Пахман.

Для того, чтобы общеправовые принципы не остались на уровне доктринальных положений, дореволюционные юристы настаивают на призраке формальной определенности, демонстрируя сходство во взглядах относительно избранного источника права. По мнению сторонников юридического позитивизма, данный вид правовых норм требует отражения в статьях основного закона государства — конституции, что обусловлено рядом причин: ее верховенство подкрепляет учредительный характер и прямое действие закрепленных императивов, особый порядок принятия и последующей редакции гарантирует их устойчивость, а высшая юридическая сила в иерархии других нормативных актов обеспечивает единство приоритетов правовой защиты на всей территории государства [3, с. 150; 5, с. 130; 6, с. 156–157]. Наряду с этим Г.Ф. Шершеневич, понимая уязвимость положения большинства российских граждан в условиях самодержавия, расценивает позитивизацию принципов права как установление пределов государственной власти, исключающих произвол со стороны ее представителей. «Конституционная система, — пишет он, — это совокупность принципов, которых придерживается верховная власть как руководящих начал при осуществлении своей деятельности» [5, с. 130].

Как видим, проблема принципов права для сторонников юридического позитивизма имеет не только теоретический, но и практический интерес. Интенция российских ученых к научной разработке особой категории юридических норм, обладающих учредительным характером и закрепляющих устойчивые ценностно-целевые ориентиры правовой политики, свидетельствует о стремлении к качественным преобразованиям системы права. Идеи о прямом действии общеправовых принципов указывают на осмысление препятствий в правореализационных процессах и поиск средств для преодоления пробелов в позитивном законодательстве. Выбор конституции как источника императивов правового регулирования выра-

жает намерение распространить их воздействие не только на правовую, но и на политическую сферу общества, проложив тем самым путь для перехода от самодержавия к правовому государству.

Как известно, правовое сознание российского общества конца XIX — начала XX века характеризовалось усилением нигилистических настроений, вызванных противоречивым законодательством, неограниченными полномочиями монарха и отсутствием механизма юридической защиты личных прав. Понимая, что сложившаяся ситуация существенно затрудняет установление наиболее совершенного политикоправового режима, дореволюционные юристы значительное внимание уделяют принципу законности, в содержании которого можно выделить сразу несколько взаимосвязанных аспектов.

Безусловно, краеугольным камнем в трудах нормативистов является убеждение о незыблемом верховенстве закона, который превалирует над иными источниками права. Ученые единогласно выступают за правовую регламентацию деятельности всех членов общества, включая властвующих субъектов, и всеобщее неукоснительное соблюдение установленных норм [7, с. 74; 20, с. 73–74; 21, с. 71–72].

Особый акцент на правомерной реализации властных полномочий делает Г.Ф. Шершеневич, использовавший при разработке принципа законности анализ чувственно-волевого аспекта правомерного поведения. «Для воспитания законности необходим пример сверху, — сама власть должна считать для себя смертным грехом нарушать законы, ею же созданные» [7, с. 74], — пишет мыслитель. Иными словами, строгое соблюдение юридических норм должностными лицами при осуществлении возложенных обязанностей прививает гражданам уважительное отношение к сложившемуся правопорядку, позволяя предотвратить деформацию личного и общественного правосознания.

Правовой регламентации подлежит и сам законодательный процесс, представленный большинством авторов в виде строго определенной стадийной процедуры, при нарушении которой принятый нормативный акт не признается законом и не подлежит применению на территории государства [7, с. 721; 20, с. 76; 22, с. 141–147].

Система законодательства, по убеждению сторонников юридического позитивизма, должна обладать иерархией, в которой степень значимости регулируемых общественных отношений определяет юридическую силу принимаемых актов. От норм нижестоящих актов требуется соот-

ветствие нормам вышестоящих, и вместе они не должны противоречить конституции, обеспечивая единство законности на всей территории государства [20, с. 74; 21, с. 99]. В рамках данного аспекта стоит отметить прогрессивный характер воззрений Г.Ф. Шершеневича, который в целях соблюдения законности и иерархической стройности всего массива нормативных актов формулирует задачи особой исследовательской деятельности — «материальной юридической проверки» [7, с. 718], получившей в современной юриспруденции статус правовой экспертизы [23, с. 95].

Отдельное внимание в трудах мыслителей уделяется характеристике юридической природы принципа законности, заключающейся в неотвратимости наказания за совершенное правонарушение [7, с. 640–641; 20, с. 208].

Поскольку формирование российской системы права, наряду с принципом законности, рассматривается дореволюционными юристами в контексте возвышающегося приоритета личности, нормы законодательных актов должны обеспечивать каждому человеку защищенную правом сферу для беспрепятственного удовлетворения своих потребностей и самореализации. Отсюда принуждение, которым обеспечивается соблюдение юридических норм, получает гуманистическое обоснование. «Государство и право построены на принуждении, которое многим кажется несимпатичным, ... но они необходимы для защиты интересов всех членов общества» [7, с. 366–367], — констатирует Г.Ф. Шершеневич.

Таким образом, под принципом законности сторонники юридического позитивизма понимают всеобщее неукоснительное соблюдение юридических норм, санкционированных государством, которое обеспечивает сохранение установленного правопорядка и защиту личности от противоправных посягательств. Стоит заметить, что данный принцип получил наиболее детальную разработку, концентрируя в своем содержании такие императивы, как: верховенство закона, его своевременность, целесообразность и всеобъемлющее действие; высокий уровень юридической техники, контроль за нормотворческим процессом, неотвратимость наказания за совершенное правонарушение и правовая охрана личности.

В сравнительно меньшей степени представители юридического позитивизма сосредоточены на принципе формального равенства, рассматривая его в качестве логического следствия, вытекающего из положения о верховенстве закона. По мнению Н.К. Ренненкампа, в том государстве, в котором вся деятельность носит право-

мерный характер, действие юридических норм на участников общественных отношений непременно является одинаковым [20, с. 85–86]. Аналогичных взглядов придерживается Г.Ф. Шершеневич. Интерпретируя формальное равенство как всеобщую обязанность подчиняться законам и нести ответственность перед судом независимо от фактического положения в обществе и государстве, правовед полагает, что реализация данного императива демонстрирует твердость и принципиальность юридических норм, пробуждая в гражданах уважение к законам и лицам, которые их применяют [7, с. 710].

Не получил специального теоретического обоснования и принцип гуманизма, воспринимаемый мыслителями, скорее, как нравственная идея, которая непреложно лежит в основе всех государственных процессов. Однако позиционировать гуманизм в качестве общеправового принципа позволяет стремление юристов конца XIX — начала XX века к смещению вектора законодательства на созидательное отношение к нравственному началу личности и нацеленность на широкую позитивизацию гражданских прав и свобод. «Права личные — основание всех прав, так как личность есть исходный пункт и цель государства», — заключает Н.К. Ренненкампа [20, с. 151].

Более того, под влиянием принципа гуманизма происходит формирование отраслей российского законодательства. В частности, С.В. Пахман пишет об изменениях в отрасли гражданского права, повлекшие смещение центра тяжести с имущественных отношений в сторону интересов личности [24, с. 13]. В связи с этим ученый предлагает ранее не свойственную для России пандектную систему изложения правового материала, которая предусматривает сосредоточение в общей части нормативного акта положений, посвященных правовому статусу личности. Выстраивая иерархию норм основного текста документа, на первый план С.В. Пахман выносит нормы, затрагивающие личные права граждан, подчеркивая тем самым приоритет их юридической защиты [25, с. 30–31].

Нравственная идея о бережном отношении к человеку воплощается не только в предложениях об изменениях внутри системы законодательства, но и в разработке отдельных принципов права. Допуская, что реализация юридической нормы, несущей в себе достаточно обобщенный характер, способна нарушить законные интересы отдельного человека, ученые приходят к осмыслению принципа справедливости, призванного нивелировать разрыв между нормами законо-

дательства и фактическими обстоятельствами, в которых может оказаться личность.

В отличие от представителей естественно-правового и социологического подходов к пониманию права, склонных проецировать справедливость преимущественно на сферу правоприменительной деятельности, нормативисты сосредотачивают действие данного принципа на законотворческом процессе. При некоторых различиях в авторских трактовках мыслителей объединяет идея об индивидуализации правового регулирования посредством создания таких юридических норм, которые позволяют максимально учесть особенности сложившейся ситуации и оставляют свободу для принятия справедливого решения в установленных законом пределах [7, с. 714; 20, с. 119; 26, с. 21].

В данном контексте прогрессивными представляются рассуждения Н.К. Ренненкампа. Правовед справедливое разрешение возможных противоречий видит в разработке специальной юридической конструкции, которая позволит законодателю делегировать право конкретизации регулирования на уровень правоприменения. «Только тогда, когда сам закон уполномочивает судью решать известные дела по справедливости, он может действовать более самостоятельно; это бывает в отношениях, отличающихся особенной тонкостью и деликатностью, например, в некоторых отношениях родителей к детям, дарителей к получившим дар, в некоторых вопросах о вознаграждениях и т. п.», — пишет он [20, с. 119–120]. Выделение особой категории юридических дел, допускающих осмысленное воздержание субъекта правотворческой деятельности от детальной регламентации порядка их разрешения, свидетельствует о постановке проблемы «квалифицированного молчания» законодателя, понятие и сущность которого остается предметом дискуссий в современной юридической науке [27, с. 75–78; 28, с. 227–230; 29, с. 705–709].

С позиции Г.Ф. Шершеневича, для принятия справедливых законов необходима демократизация нормотворческого процесса, предполагающая наделение граждан законодательной инициативой и привлечение населения к участию в рассмотрении законопроектов. «Люди свежие, вышедшие сейчас только из общества, они часто ближе знают народные нужды, чем министры, погруженные в массу своих дел и привыкшие смотреть на жизнь из окна своей канцелярии», — пишет он, полагая, что принцип демократизма обеспечит создание своевременных, целесообразных, и, главное, — справедливых нормативных актов [30, с. 8].

Совсем иначе мыслит М.Н. Капустин, предлагая неординарный подход к пониманию принципов права. Поддержка идей естественно-правовой теории приводит ученого к несвойственному для нормативизма противопоставлению позитивного законодательства неким отправным началам совершенного правопорядка, которые не образуются, а постигаются юридической наукой. «Нельзя себе представить общества без установленных для него норм... Но это не значит, что вне их не существовало права, как думают некоторые. Происходит постоянное взаимодействие между правом как оно есть и как оно должно быть; к постепенному осуществлению этого последнего стремится всякое положительное право», — пишет М.Н. Капустин [21, с. 41]. Отсюда, согласно авторской концепции, сфера правового регулирования сосредотачивает сразу два вида принципов: одни несут в себе основной смысл права и являются неотъемлемой частью его сущности, другие — вводятся искусственно в ходе мыслительной деятельности человека в целях оптимизации процессов создания, применения и развития позитивного законодательства.

К принципам первой группы, или, как их называет М.Н. Капустин, «общим юридическим началам», относятся справедливость и формальное равенство, которые, проистекая из рационального сознания личности, закладывают основу для установления порядка во взаимодействии людей. «Эти начала служат выражением лучшего, более идеального определения отношений между лицами и получают признание ради осуществляемой ими правды», — подчеркивает правовед [21, с. 9].

Указанные принципы являются не просто взаимодействующими, но и взаимодополняющими. Объединяемые справедливостью, общие правила социального взаимодействия нуждаются в нивелировании границ между социально-экономическим статусом, физическими способностями и уровнем духовно-нравственного развития субъектов правоотношений. «Справедливость есть соразмерность, то есть определение отношения между лицами на основании какого-либо, но непременно одинакового для всех мерила... Все люди равны как люди; но они неравны как лица. Они выступают в жизни с разными физическими и нравственными силами, и было бы несправедливо признавать неравное равным. Пределы борьбы и свободы для всех одинаковы, но средства не могут быть одни и те же», — пишет М.Н. Капустин [21, с. 9]. Тем самым мыслитель существенно расширяет принцип формального равенства, включая в его содержание возмож-

ность внесения корректив в правосубъектность тех граждан, которые в силу своего фактического положения не способны в одинаковой мере использовать предоставленные законом права и нести ответственность за его нарушение.

На фундаменте справедливости и формального равенства базируются принципы создания и действия позитивного права, которые относительно основных начал являются производными. Их отсутствие не исключает правового порядка, но отдаляет его от совершенной модели, где каждому человеку предоставлены полноценная юридическая защита, возможность беспрепятственного удовлетворения своих потребностей и свобода самореализации. К примеру, в принципе законности М.Н. Капустин видит гарантию стабильности того правового режима, который был установлен под воздействием отправных начал. «Так как право основывается на справедливости, требующей одинаковой меры для всех, то выражением его должны служить общие правила или нормы, с которыми каждый должен согласовывать свои действия и которые требуют повиновения», — поясняет он [21, с. 38].

Принцип гуманизма или «человеколюбия», по мнению М.Н. Капустина, в законотворческой деятельности обеспечивает реализацию принципа формального равенства, требуя закрепления дополнительных социальных гарантий и исключения ряда обязанностей в отношении слабозащищенных категорий граждан для того, чтобы ни один человек не был изъят из участия в государственно-правовой сфере и обладал достаточными средствами для обеспечения своего достойного существования. «Вопрос о праве получает особое значение по отношению к бесильным и слабым, для которых оно служит защитой; право сдерживает произвол сильных, устанавливая для всех одно мерило», — заключает автор [21, с. 26]. В процессе правоприменения данный принцип детализирует принцип справедливости, предписывая не только исследовать фактические обстоятельства дела, но и учитывать субъективные причины противоправного поведения в целях минимизации негативных последствий для личности, допустившей нарушение закона вследствие тяжелой жизненной ситуации или по причине стороннего воздействия.

Выводы

Осознавая значимость общеправовых принципов для позитивного права и юридической практики, правоведы настаивают на предварительной научной интерпретации закономерно-

стей развития права и последующем оформлении полученных результатов в виде доктринальных положений, отражающих модель совершенного правопорядка. Вопреки устоявшемуся мнению, сторонники отечественного юридического позитивизма не склонны ограничиваться изучением системы действующего законодательства; они включают в предмет своего исследования общественное правосознание, чувственно-волевые аспекты правомерного поведения, логические связи социального общения или рациональную природу человека.

Для того, чтобы идеальные представления были воплощены в объективной реальности, дореволюционные мыслители настаивают на облечении разработанных принципов в форму юридических норм, обладающих учредительным характером, прямым действием, устойчивостью и формальной определенностью, избирая в качестве источника руководящих императивов основной закон государства. Иными словами, общеправовые принципы в интерпретации представителей юридического позитивизма — это руководящие юридические нормы, разработанные теоретико-правовой наукой в целях учреждения императивов правового регулирования и закрепления приоритетов наиболее прогрессивной правовой политики в государстве.

В трудах правоведов конца XIX — начала XX века складывается перечень принципов права, включающий законность, гуманизм, формальное равенство, справедливость и демократизм. В числе выделяемых принципов права приоритетом обладает принцип законности, что подтверждается частотой упоминания и детальной проработкой его содержания. Концептуально новый подход привносит М.Н. Капустин, позиционируя справедливость и формальное равенство как сущностные начала, содержащиеся в самом праве, а законность и гуманизм — как принципы, положенные наукой в основу применения и совершенствования позитивного законодательства.

Как удалось заметить, в учениях сторонников отечественного юридического позитивизма не только закладываются основы категориального аппарата, но и ставятся вопросы, касающиеся преодоления пробелов в законодательстве, организации правовой экспертизы и использования «квалифицированного молчания» законодателя, на решении которых сосредоточена современная юриспруденция. Изложенное свидетельствует о прогрессивности воззрений юристов дореволюционного периода и их безусловной ценности для развития российской правовой науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сахапов Р.Р. Определение принципов права в дореволюционной литературе / Р.Р. Сахапов. — EDN JRGVER // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2007. — Т. 149, № 6. — С. 13–15.
2. Власенко Н.А. Конкуренция принципов права / Н.А. Власенко. — EDN LKYCOW // Юридическая техника. — 2020. — № 14. — С. 46–53.
3. Ренненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии / Н.К. Ренненкампф. — 2-е изд. — Киев : Н.Я. Оглоблин, 1880. — 282 с.
4. Пахман С.В. О современном движении в науке права / С.В. Пахман. — Санкт-Петербург : тип. Правительствующего сената, 1882. — 68 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве / Г.Ф. Шершеневич. — Казань : типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1896. — 83 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве / Г.Ф. Шершеневич. — Москва, 1911. — 163 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. — Москва, 1912. — Вып. 1. — 814 с.
8. Яковлев А.В. Государственно-правовые воззрения Михаила Николаевича Капустина : автореф... дис. кан. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Яковлев. — Москва, 2014. — 22 с. — EDN ZPNSIP.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. — 542 с.
10. Остин Д. Определение области юриспруденции / Д. Остин // Антология мировой правовой мысли. — Москва, 1999. — Т. 3. — С. 399–404.
11. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт ; под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. — Санкт-Петербург, 2007. — 300 с.
12. Гессен В.М. На рубеже / В.М. Гессен. — Санкт-Петербург, 1906. — 350 с.
13. Новгородцев П.И. Государство и право / П.И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. — Москва, 1904. — Кн. V. — С. 507–538.
14. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И. Новгородцев. — 2-е изд. — Киев : Летопись, 1919. — Вып. 1. — 243 с.
15. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. — Москва, 1894. — Ч. 1. — 482 с.
16. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. — Москва : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1900. — 336 с.
17. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право / Ф.Ф. Кокошкин. — Москва, 1908. — Вып. 2. — 155 с.
18. Коркунов Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. — 8-е изд. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. — Т. I. — 336 с.
19. Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия / Н.К. Ренненкампф. — 4-е изд. — Москва, 1913. — 295 с.
20. Капустин М.Н. Юридическая энциклопедия (догматика) : лекции засл. проф. М.Н. Капустина / М.Н. Капустин. — Санкт-Петербург, 1893. — 342 с.
21. Капустин М.Н. Теория права (Юридическая догматика) / М.Н. Капустин. — Москва, 1868. — Т. 1. — 352 с.
22. Грязнова Т.Е. Идеи правотворческой экспертизы в Российской империи / Т.Е. Грязнова. — EDN E1HMKC // Юридическая техника. — 2022. — № 16. — С. 94–97.
23. Пахман С.В. О значении личности в области гражданского права / С.В. Пахман. — Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1883. — 32 с.
24. Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века. Статья третья / В.А. Томсинов. — EDN TUJGOB // Законодательство. — 2015. — № 4. — С. 88–94.
25. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности : публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / Г.Ф. Шершеневич. — Казань, 1897. — 28 с.
26. Баранов В.М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) / В.М. Баранов. — EDN JWUCGP // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 1. — С. 75–78.
27. Васильев Ю.И. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) / Ю.И. Васильев. — EDN TMQJKX // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1 (29). — С. 227–230.
28. Лугинец Э.Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства / Э.Ф. Лугинец. — EDN VLKRLT // Юридическая техника. — 2016. — № 10. — С. 705–709.
29. Шершеневич Г.Ф. Народные представители / Г.Ф. Шершеневич, доп. применит. позднейшим событиям А.Е. Пресняков. — Петроград : Я. Башмаков и К°, 1917. — 16 с.

REFERENCES

1. Sakhapov R.R. Specification of Principles of Law in Pre-revolution Literature. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2007, vol. 149, no. 6, pp. 13–15. (In Russian). EDN: JRGVER.

2. Vlasenko N.A. Competition of the principles of law. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2020, no. 14, pp. 46–53. (In Russian). EDN: LKYCOW.
3. Rennenkampf N.K. Essays of the Legal Encyclopedia. 2nd ed. Kiev, N.Ya. Ogloblin Publ., 1880. 282 p.
4. Pakhman S.V. *On the modern movement in the science of law*. Saint Petersburg, Pravitel'stvujushhij senat Publ., 1882. 68 p.
5. Shershenevich G.F. *Definition of the concept of law*. Kazan, Imperial Kazan University Publ., 1896. 83 p.
6. Shershenevich G.F. *General Doctrine of Law and State*. Moscow, 1911. 163 p.
7. Shershenevich G.F. *General Theory of Law*. Moscow, 1912. Iss. 1. 814 p.
8. Yakovlev A.V. State-legal views of Mikhail Nikolaevich Kapustin. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2014. 22 p. EDN: ZPNSIP.
9. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Berkeley, University of California Press, 1967. 356 p. (Russ. ed. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. 2nd ed. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.).
10. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. In *Anthology of World Legal Thought*. Moscow, 1999. Vol. 3, pp. 399–404. (In Russian).
11. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford University Press, 1961. 333p. (Russ. ed.: Hart H.L.A.; Afonasin E.V., Moiseev S.V. (eds). *The Concept of Law*. Saint Petersburg, 2007. 300 p.).
12. Gessen V.M. At the turn of. Saint Petersburg, 1906. 350 p.
13. Novgorodtsev P.I. State and Law. *Questions of Philosophy and Psychology*. Moscow, 1904. Bk. V, pp. 507–538. (In Russian).
14. Novgorodtsev P.I. About a social ideal. Kiev, Letopis Publ., 1919. Iss. 1. 243 p.
15. Chicherin B.N. State science course. Moscow, 1894. Pt. 1. 482 p.
16. Chicherin B.N. *Philosophy of Law*. Moscow, I.N. Kushnerev i K Publ., 1900. 336 p.
18. Kokoshkin F.F. *Russian State Law*. Moscow, 1908. Iss. 2. 155 p.
19. Korkunov N.M. *Russian State Law*. Saint Petersburg, MM. Stasyulevich Publ., 1914. Vol. 1. 336 p.
20. Rennenkampf N.K. *Legal Encyclopedia*. 4th ed. Moscow, 1913. 295 p.
21. Kapustin M.N. *Legal Encyclopedia (Dogmatics)*. Saint Petersburg, 1893. 342 p.
22. Kapustin M.N. *Legal Dogmatics (Theory of Law)*. Moscow, 1868. Vol. 1. 352 p.
23. Gryaznova T.E. Ideas of Law-Making Expertise in the Russian Empire. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2022, no. 16, pp. 94–97. (In Russian). EDN: EIHMKC.
24. Pakhman S.V. The importance of the individual in civil law. Saint Petersburg, 1883. 32 p.
25. Tomsinov V.A. Development of Civil Code of Laws Draft and Development of Civil Law Science in Russia at the End of XIX – Early XX Century. Article Three. *Zakonodatel'stvo = Legislation*, 2015, no. 4, pp. 88–94. (In Russian). EDN: TUJGOB.
26. Shershenevich G.F. On the Sense of Legality: Public Lecture on 10 March 1897. Kazan, 1897. 28 p.
27. Baranov V.M. “Qualified silence of the legislator” as a general legal phenomenon (on the essence and sphere of gaps functioning in the law). *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2008, no. 1, pp. 75–78. (In Russian). EDN: JWUCGP.
28. Vasilyev Yu.I. Qualified Silence of the Legislator as General Legal Phenomenon (Formulation of the Problem). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 1, pp. 227–230. (In Russian). EDN: TMQJKX.
29. Luginets E.F. “Qualified silence of the legislator” as one of the cultural prerequisites for the effectiveness of law applying in the proceedings. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2016, no. 10, pp. 405–709. (In Russian). EDN: VLKRLT.
30. Shershenevich G.F. People's representatives. Petrograd, Ya. Bashmakov i K Publ., 1917. 16 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алина Александровна Никитчик – преподаватель кафедры теории и истории права и государства. Омская академия МВД России. 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina A. Nikitchik – Lecturer of the Department of Theory and History of Law and State. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 7, Komarov av., Omsk, Russia, 644092.

Поступила в редакцию / Received 25.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised 14.10.2023

Принята к публикации / Accepted 18.12.2023